

На вторую весну после появления статуи из белого нефрита пламя войны утихло, и на горе Лохуатай появился первый настоящий горный рынок.

Поскольку окутанное облаками божественное дерево всегда наполовину увядало и наполовину расцветало, у него не было обычного сезона цветения. Но те, кто видел божественное дерево, всегда говорили, что цветы, обвивающие его ветви, немного похожи на соцветия красного абрикоса в царстве мертвых.

В то время рядом с рекой, в месте, которое впоследствии стало городом Мэн, находилась гора Тин, чьи абрикосовые леса простирались на десятки километров и особенно обильно цвели в третьем месяце.

Поэтому люди определяли сезон цветения божественного дерева ориентируясь на цветение абрикосов на горе Тин, и выбрали памятную дату — третий день третьего месяца, чтобы открыть свой горный рынок.

Когда на первом в царстве мертвых горном рынке Лохуашань установили фонари, У Синсюэ был рядом и наблюдал.

Притаившись среди деревьев и опустив глаза, он наблюдал за тем, как в сумерках загорается извилистая горная тропа: фонарь за фонарём, пламя за пламенем, до самой крайней точки горного хребта, почти до горизонта.

Он смутно припоминал, что чувствовал тогда...

Наблюдая за мельтешением прохожих, за путаницей слов, он чувствовал себя свободным, счастливым.

Он родился здесь, и в силу определённых причин это место было ему безразлично. Он надеялся, что горный рынок Лохуашань всегда будет таким оживлённым, каждый год оживлённее предыдущего, пока не станет самым счастливым местом в мире мертвых. Путешественники будут приезжать сюда издалека, а название рынка разнесётся по дальним странам.

Ведь чем оживлённее было это место, тем больше была вероятность, что следующие воплощения молодого генерала придут сюда, чтобы посетить эту достопримечательность...

Это чувство слишком долго жило в его сознании, почти став привычным.

Даже после того, как божественное дерево было запечатано, а храм перестал существовать, он всё равно не отказался от этой привычки.

Он никому не рассказывал о причинах. Но всякий раз, когда упоминался горный рынок

Лохуашань, он всегда говорил: «Там очень весело, довольно оживлённая обстановка».

Но сейчас, взяв в руки нефрит, У Синсюэ пристально посмотрел на человека рядом с собой и позвал:

— Сяо Фусюань.

Сяо Фусюань всё ещё сжимал его запястье. Его взгляд упал на цветущие нефритовые ветви божественного дерева и на мгновение застыл. Услышав своё имя, он замешкался, а затем перевёл взгляд на У Синсюэ.

В тот же миг У Синсюэ охватил порыв...

Он надеялся, что Сяо Фусюань помнит события того года, помнит слова, сказанные им под божественным деревом в ту осеннюю ночь, когда ударила мистическая молния. Если так, то У Синсюэ укажет на все эти цветы на дереве и, ухмыляясь, скажет, что это его заслуга: «Сяо Фусюань, вот те цветы, которые ты хотел увидеть».

Но с точки зрения самого Бессмертного Тяньсю, не была ли та ночь слишком мучительной?

Сколько он ранил в огне войны и сколько из них ранили его? Возможно, всё его государство, его семья, его товарищи исчезли в дыму той долгой ночи. Когда он шёл к божественному дереву, сколько мёртвых душ прошло мимо него в той пустыне, кто приветствовал его, а кто ненавидел?

И когда небесная молния ударила в него и его тело умерло, почувствовал ли он в тот момент тоску, одиночество?..

Стоило только подумать об этом, и слабый порыв угас.

«Лучше не вспоминать», — подумал У Синсюэ.

Он рассмеялся и, в конце концов, спокойно произнёс:

— Смотри, божественное дерево расцветает.

После этого он отвёл взгляд и больше не смотрел на Сяо Фусюаня, чтобы тот не заметил промелькнувшего в его глазах сожаления.

Кто бы мог подумать, что, как только он отведёт глаза и наклонится, чтобы опустить нефритовую статую, он услышит глубокий голос Сяо Фусюаня.

— У Синсюэ. Божественное дерево — это ты? — спросил он.

У Синсюэ замер.

— Они сказали, что к нефритовой статуе не может прикоснуться никто, кроме божественного дерева.

У Синсюэ повернул голову и посмотрел на него.

— Ещё ты говорил, что родился на горе Лохуатай.

У Синсюэ не проронил ни слова, продолжая смотреть на него.

— А я... — Сяо Фусюань приостановился и бросил взгляд на нефритовое изображение юноши, прислонившегося к дереву, а затем обернулся. — ... генерал Бай?

У Синсюэ испугался, что Сяо Фусюань что-то вспомнил. Он долго смотрел ему в глаза, после чего тихонько вздохнул с облегчением — должно быть, это была всего лишь догадка, а не воспоминание.

Успокоившись, он ответил:

— Они говорят что попало, не стоит принимать всё это за правду. Но почему ты спрашиваешь меня? Разве не я должен быть тем, кто больше всех запутался?

Сяо Фусюань опустил взгляд, а затем вновь посмотрел на него. Постояв так немного, он произнёс:

— Ты выглядишь расстроенным. Похоже, ты что-то вспомнил.

У Синсюэ напрягся.

Через мгновение Сяо Фусюань слегка опустил голову и поднял руку, чтобы коснуться его лица кончиками пальцев. Тепло и глубокомысленно он спросил:

— Почему оно расцвело?

«...»

Владыка демонов от неожиданности потерял дар речи.

В этот миг все эмоции, будь то сожаление или жалость, стремительно исчезли. В голове промелькнула другая, совершенно не связанная с этим мысль: этот Бессмертный Тяньсю, должно быть, был настоящей угрозой в Бессмертной Столице.

У Синсюэ уже собирался ответить, как вдруг услышал шум.

Они с Сяо Фусюанем одновременно вздрогнули и повернули головы в сторону шума. Висящие вверх ногами существа задрали носы, словно принюхиваясь к чему-то. В том направлении, к которому они принюхивались, находилась не что иное, как нефритовая статуэтка.

У Синсюэ тоже слегка принюхался.

В храме действительно ощущался какой-то запах. Это был запах... крови.

Сначала он был в замешательстве, но, окинув нефрит взглядом, вспомнил, что в своё время влил в него кровь из предыдущей жизни Сяо Фусюаня. Теперь, когда нефритовая статуэтка пробудилась, от неё медленно исходил запах крови.

Духи всегда были чувствительными, поэтому неудивительно, что они отреагировали на этот запах.

Но их реакция была немного странной...

Духи с недоумённым выражением лица клевали носами, как будто силились что-то вспомнить, но не могли сразу сообразить. Но их ропот постепенно распространился, как прилив.

— Этот запах...

— Кажется, я уже где-то чувствовал этот запах крови.

— Да, пахнет так знакомо.

— Мне тоже кажется, что это что-то знакомое.

— Но... где я уже чувствовал этот запах?

«...»